

Эффективная работа опорной транспортной сети требует ее «стыковки» с формированием региональных транспортных сетей и соответствующих региональных центров приема, переработки и отправления грузов. Нельзя допустить, чтобы экономика «транзитных регионов» была поставлена в зависимость от потребностей собственно перевозочного процесса и коммерческих интересов транспортных структур. Чрезвычайные ситуации с топливоснабжением сибирских и дальневосточных городов могут повторяться, если не будет согласованности в работе транспорта на местном, федеральном и хозяйственном уровне.

Укреплению геополитической оси мира будет способствовать также увеличение числа стран, входящих в геополитическую ось мира. В связи с этим вполне естественно рассмотреть следующее предложение, общая идея которого заключается в следующем. Необходимо создать единое экономическое пространство на территории государств, находящихся на «Оси Македонского» (их конкретный перечень может быть составлен с учетом современных условий). Союз этих государств может быть создан на принципах, на которых создан Европейский Союз (ЕС). Такой Союз, включающий в себя страны Средиземноморья, Юго-Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока до Пакистана включительно автоматически стал бы одним из элементов в структуре геополитической оси мира. В этом случае геополитической осью мира была бы совокупность государств стран СНГ и «Оси Македонского». Страны такой геополитической оси имеют исторически сложившееся тяготение друг к другу во всех сферах цивилизованного развития: экономики, культуры, религии. Совокупность стран такой геополитической оси будет обладать огромным потенциалом, будет мощной основой стабильного двухполюсного мира и тем самым остановит процесс сползания мира к нестабильному однополюсному варианту развития.

Ю.А. ДЁМИН

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ВЫБОР МОЛОДЕЖИ И РЫНОК ТРУДА

Молодежь, насчитывающая на конец 2009 г. более 33 млн чел. (в возрасте 15–29 лет), а в пределах Иркутской области 624 тыс. чел. (*Молодежь в России. 2010: стат. сб. / ЮНИСЕФ, Росстат. М.: ИИЦ «Статистика России», 2010. С. 9, 12*), является важнейшим трудовым ресурсом и субъектом воспроизводства социально-экономических отношений, что и вызывает повышенный интерес к проблеме ее профессионального выбора, и соответствия этого выбора реальным требованиям рынка труда. Процесс выбора профессии и получения образования является чрезвычайно важным не только для самого индивида, но и для общества

в целом. Полученное образование и профессия оказывают влияние на жизненный путь человека, его уровень и образ жизни. Они способствуют занятию определенной позиции в социально-классовой, профессиональной структуре, тем самым влияя на функционирование различных отраслей народного хозяйства.

Профессиональный выбор молодого человека связан с воздействием различных внутренних и внешних факторов: мнение окружающих людей (родителей, друзей, учителей и пр.), его личные планы, амбиции, способности и предпочтения, наличие материальных («денежных») ресурсов, информированность о профессии, ее престижность и др.

Одним из важнейших факторов, влияющих на выбор профессии в настоящее время, является возможность принести ее обладателю материальный достаток и высокую социальную позицию (статус). Опросы молодежи 14–30 лет, проведенные в 2002 и 2009 г. в Тольятти, Ульяновске, населенных пунктах сельского типа Ульяновской и Самарской области выявили, что главной жизненной целью молодежь считает высокий заработок и материальное благополучие (19% опрошенных) (Явон С.В. *О жизненных ориентациях молодежи Поволжья // Социс. 2010. № 6. С. 101, 103*). Одной из главных целей в жизни выпускников сельских школ, студентов сельхозтехникумов и аграрных вузов (исследование проводилось в 19 регионах РФ в 2004 г.) является «жить в достатке» (57% опрошенных), главным критерием будущей работы — ее высокая оплата (31,8% опрошенных) (Новиков В.Г. *Жизненные ценности и трудовые приоритеты сельской молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 6. С. 175, 177*). На вопрос, «что означает для Вас «хорошо жить?» 81,2% студентов (опрос 2006 г.) выбрали ответ «быть материально обеспеченным», занявший, соответственно, первое место (Луков В., Гневашева В., Захаров Н., Луков С., Намлинская О. *Социальные и культурные ценностные ориентации молодежи // Alma mater. 2008. № 2. С. 54*). В Ростовской области ответы на вопрос «Удовлетворение каких потребностей для вас является важным?» распределились следующим образом: семейное благополучие — 83,6%, материальная обеспеченность — 77%, общение — 68,1% (Котова Т.А. *Образовательные стратегии российской молодежи: социологический анализ. Ростов-н/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 2005. С. 140*). Тульская молодежь в 2005 г. ставила материальное положение на первое место (32,4%) в иерархии ценностей (Самсонова Е.А., Ефимова Е.Ю. *Молодежь Тулы: ценностные ориентации и реалии повседневной жизни // Социс. 2007. № 11. С. 2*).

Это в свою очередь подталкивает молодежь к получению, прежде всего, высшего образования и желателно по престижной специальности, которая может обеспечить заветное материальное благополучие. Так, в учреждениях начального профессионального образования (НПО) в 2010 г. (данные по учреждениям НПО приведены на 2010 г., по учрежде-

ниям СПО и ВПО на 2010–2011 учебный год) обучалось 1 млн 7 тыс. чел. (выпущено в том же году 581 тыс. чел.), среднего профессионального образования (СПО) — 2 млн 126 тыс. чел. (выпущено 572 тыс.), высшего профессионального образования — 7 млн 50 тыс. чел. (выпущено 1 млн 468 тыс.). С 2005 по 2010 гг. самое сильное сокращение учащихся и учреждений (из-за демографического кризиса) испытали на себе системы НПО и СПО (табл.) (См. *Труд и занятость в России. 2011: стат. сб. М., 2011. С. 353–354; Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М., 2011. С. 223, 226, 232, 237, 243*).

Изменения в структуре профобразования

Образовательные учреждения	Сокращение приема	Сокращение численности учащихся	Сокращение (рост) количества учреждений
Учреждения НПО	на 11,5% (с 688 тыс. до 609 тыс. чел.)	на 33,3% (с 1 млн 509 тыс. до 1 млн 7 тыс. чел.)	сокращение на 30,5% (с 3 392 до 2 356 шт.)
Учреждения СПО	на 17,1% (с 810 тыс. 900 до 671 тыс. 800 чел.)	на 18% (с 2 млн 591 тыс. до 2 млн 126 тыс. чел.)	сокращение на 1,9% (с 2 905 до 2 850 шт.)
Учреждения ВПО	на 12,9% (с 1 млн 372 тыс. 500 до 1 млн 195 тыс. 400 чел.)	на 0,1% (с 7 млн 64 тыс. до 7 млн 50 тыс. чел.)	рост на 4,4% (с 1 068 до 1 115 шт.)

Кроме того часть молодежи, обучавшаяся в образовательных учреждениях начального и среднего профессионального образования, после их окончания продолжает обучение в вузах. Например, проводимые в Новосибирской области с 1998 по 2008 гг. «лонгитюдные» социологические исследования показывают, что 51,6% выпускников ссузов и 17,4% выпускников профучилищ в последующем продолжили обучение в вузах (*Чередниченко Г.А. Молодежь после получения среднего образования: образовательные и профессиональные траектории // Вестник Института социологии РАН. 2011. № 2. С. 72–73*).

В самой структуре высшего образования наблюдается перекопс с сторону юридических и экономических специальностей. Так, в 1998 г. выпускники средних школ, учреждений НПО и СПО Новосибирска, Новосибирской области и Москвы на первые места по престижности ставили профессии юриста, бизнесмена, банковского работника, переводчика, программиста. Самыми непрестижными оказались профессии доярки, почтальона, ткача, тракториста и токаря (Когда наступает время выбора (*Устремления молодежи и первые шаги после окончания учебных заведений*) / отв. ред. Г.А. Чередниченко. СПб.: изд-во РХГИ, 2001. С. 472–532). Проведенное в 2005 г. в четырех петербургских вузах исследование показало, что по престижности лидируют профессии экономиста (37% опрошенных) и юриста (36%), замыкают же список профессии учителя и рабочего (по 1%) (*Семенов В.Е. Ценностные ориентации и проблемы воспитания современной молодежи // Социс. 2007. № 4. С. 4*). Спрос рождает

предложение, поэтому в 2010 г. в государственных учреждениях системы СПО выпуск специалистов по группам специальностей экономика и управление составил 24,5% (130 тыс. 900 чел.), а в негосударственных — 47% (17 тыс. 158 чел.), в государственных вузах этот показатель составляет 34,7% (408 тыс. 800 чел.), а в негосударственных — 57,7% (167 тыс. 400 чел.) (*Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М., 2011. С. 233–234, 246–247*). В 2009 г. более 700 тыс. студентов вузов получало юридическое образование (*Антипова Н. Юридические вузы — под жесткий контроль // Известия. 2009. 17 апр. Л. 2*).

При этом часть студентов, обучающаяся в «непрестижных» вузах (например, сельскохозяйственных или педагогических) рассматривает данное образование как «транзитное» (дающее возможность получить второе, «престижное» образование на базе первого) или просто как получение «корочки», не собираясь при этом идти работать по профессии или в низкооплачиваемую отрасль (по словам заместителя министра сельского хозяйства Иркутской области К. Алдарова, в сельском хозяйстве Иркутской области «не хватает буквально всех: от трактористов до бухгалтеров...») (*Ларионов А. Не ударить в зябь лицом // Байкальские вести. 2012. 13–15 февр. Л. 5*).

Уровень запросов молодых людей крайне велик. Например, иркутские студенты в будущем видят себя успешными людьми, работающими в банковской сфере, шоу-бизнесе, рекламе, занимающими руководящие посты в фирмах и имеющими виллы, апартаменты, шикарные автомобили и т.п. (*Байкальские вести. 2008. 19–25 февр. Л. 4*). «Революция потребностей» (т.е. резкий рост запросов), которая наблюдается у российской молодежи, постоянно подогревается средствами массовой информации, кино, рекламой и т.п.

Вместе с тем, молодые люди не обращают внимания на существующую классовую структуру российского общества, где около 80% относится к категории «бедных» и «недообеспеченных» (*Афанасьев М.Н. Российские элиты развития: запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009. С. 21*), на его квалификационную и профессиональную структуру, потребности рынка рабочей силы. Исследования, проведенные в 2005–2010 г. среди молодежи Тулы, Москвы, Подмосковья, Волгограда, Астрахани и Кирова, свидетельствуют, что при выборе специальности не обращается внимание на ее востребованность на рынке труда (*Семенова Л.А. Особенности профессионально-трудового самоопределения молодежи // Вестник Института социологии РАН. 2011. № 2. С. 89*). Проводимый в 2008 г. социологический опрос среди иркутских школьников показал, что менее 19% выпускников школ знают о реальных требованиях на рынке труда (*Байкальские вести. 2008. 21–27 окт. Л. 9*).

Одним из последствий этого является высокий уровень безработицы среди молодежи. На конец 2010 г. 29,3% зарегистрированных безработ-

ных составляли молодые люди от 16 до 29 лет. В среднем с 2005 по 2010 г. этот уровень составлял 31,3% (*Труд и занятость в России. 2011: стат. сб. М., 2011. С. 166–167*). По другим, расширенным данным, основанным на материалах выборочных исследований населения по проблемам занятости проводимых статистическими органами РФ, в 2010 г. 42,5% от всех безработных составляли молодые люди в возрасте от 15 до 29 лет. В среднем с 2005 по 2010 г. — 42,35% (*Российский статистический ежегодник. 2011: стат. сб. М., 2011. С. 129*). При этом самый высокий уровень безработицы приходится на молодежь от 20 до 24 лет (в 2010 г. — 21,3%), заканчивающую или закончившую профессиональные образовательные учреждения.

Другим последствием является проблема нахождения работы по специальности и уровню квалификации. Отечественный исследователь Шереги Ф.А., проанализировав данные о квалификационном составе и классовой структуре работающего населения, пришел к выводу, что нынешней молодежи предстоит восполнить социально-классовую структуру российского общества на 73,5% в качестве промышленных, аграрных рабочих и работников сферы бытовых услуг, большей частью средней и низкой квалификации. Более 2/3 представителей малого бизнеса (67,4%) заняты посредничеством (торговля, перевозка и извоз, операции с недвижимостью, ремонт), где в большинстве случаев не требуется получение высшего профессионального образования. В итоге, в среднем 60% вузовских выпускников в течение первых 5 лет меняют свою квалификацию или профессию (*Шереги Ф.А. Факторы, противодействующие модернизации российского профессионального образования // Вестник института социологии РАН. декабрь 2010. № 1. С. 248–249, 252*), по некоторым данным, только 30% выпускников иркутских вузов работают по специальности (*Медведев В. Сытое брюхо к учению глухо! // Иркутск. 2011. 25 янв. Л. 1*). Теряется время на получение образования, на поиск работы, образуются диспропорции, когда в одних отраслях экономики наблюдается избыток предложения рабочей силы, а другие страдают от недостатка кадров. Некоторые эксперты видят выход в привлечении трудовых мигрантов, однако бунты молодежи из семей иммигрантов во Франции (2005 г.) и Великобритании (Лондон, 2011 г.) говорят об опасности такого пути.

Распространенное высказывание, что «даже продавцам теперь требуются высшее образование», говорит о том, что произошла девальвация высшего образования и о том, что получившие его люди не могут найти соответствующую квалификации работу. Желания и чаяния молодежи находятся в противоречии с существующими социально-экономическими условиями, что подтверждается заявлениями представителей бизнес-элиты: в конце августа 2010 г. на первом заседании Госсовета и комиссии по модернизации в Кремле М. Прохоров заявил, что российс-

кому рынку требуется 80% работников с начальным и средним профобразованием и только 20% с высшим (Фаризова С. ПТУ станут бизнес-проектом // Известия. 2010. 1 сент. Л. 2).

Изменение сложившейся ситуации должно происходить двумя путями — с одной стороны, путем новой индустриализации, развития высокотехнологических отраслей, повышения зарплат в «непрестижных» отраслях народного хозяйства, а с другой стороны необходима серьезная корректировка профориентационной работы, которая должна стать проблемой государственного уровня, а не конкретной семьи или школы.

Помимо уроков профориентации, тестирований и выставок учебных заведений, необходимы регулярные встречи школьников с представителями разных профессий и работниками предприятий и организаций, специалистами центров занятости, телевизионная реклама и пропаганда нужных стране профессий, нематериальных ценностей. Работа должна вестись и с родителями школьника. Возможно создание структур в системе образования, которые бы организовывали и координировали совместную профориентационную работу образовательных учреждений, работодателей, органов местного самоуправления.

И.Б. КАРПУНИНА

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ В НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ 1990-х гг.

Появление фермерства являлось важной частью структурной перестройки сельского хозяйства в 1990-е гг. За годы реформ фермерский сектор прошел несколько этапов развития. Широкая кампания по организации крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ) проходила в 1992–1993 гг. На эти годы приходится более половины от общего числа созданных хозяйств, функционировавших в конце 1990-х гг. В Новосибирской области, как и в других районах страны, начался резкий рост численности КФХ: если в начале 1991 г. их насчитывалось всего 53, то в конце 1994 г. — свыше 6 тыс. В этот период проводилась активная политика по организации и поддержке фермерства как на федеральном, так и на региональном уровнях. Выделялись средства бюджетов и банков, материально-технические ресурсы, предоставлялись льготы по налогообложению на 5 лет.

С середины 1990-х гг. под предлогом равенства всех форм собственности внимание государства к фермерскому сектору начинает ослабевать. Резко сокращаются финансовые потоки из федерального, а также и из областного бюджетов. В 1994 г. последний предусматривал на нужды фермеров 6,7 млн р., а было выделено 4,3 млн, в 1995 г. — со-